

УДК 575«1930/1970»+631.527

О МРАЧНЫХ СТРАНИЦАХ ИСТОРИИ РОССИЙСКОЙ БИОЛОГИИ (1930–1980 ГГ.)

Мишнев В. Г.,

доктор биологических наук, профессор

Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского, Симферополь

В статье рассматривается положение в советской биологической науке в период расцвета «лысенковщины» в 30–70-е годы XX века. Обсуждаются причины возникновения этого лженаучного направления и последствия ее господства для биологической науки и судеб ученых-биологов.

Ключевые слова: история биологии, «лысенковщина».

*Посвящается коллегам-ботаникам
и всем невинно пострадавшим
в смутные годы лысенкоизма*

В XX столетии Российская биология шла в ногу с зарубежной, несмотря на то, что она вместе со страной перенесла два сильных потрясения, вызванных войнами и революционным переворотом. Можно привести имена многих выдающихся ученых, таких, как Тимирязев, Павлов, Морозов, Вавилов, Сукачев и др., которые внесли заметный вклад в мировую сокровищницу знаний о живой природе. Но в безоблачных тридцатых годах нашу науку неожиданно постиг стресс, связанный с тем, что объявилась мало кому известная личность – Трофим Денисович Лысенко. Он сперва скромно поделился тем, что его отец, крестьянин, неожиданно для себя сделал открытие, превратив озимую пшеницу в яровую. Этому сообщению не придали значения, так как аналогичное открытие было сделано во Франции еще в XIX веке. Лысенко-сын сделал из этого факта далеко идущие выводы. Он стал утверждать, что наследственная основа живых существ очень пластична и путем воспитания один сорт можно превратить в другой и даже получить новый вид. По мнению Лысенко, для селекции растений открывалась широкая дорога. Можно из малоурожайных сортов пшеницы получать многоурожайные. Это происходило перед войной, и начавшаяся по этому поводу полемика была прервана. Надо сказать, что вопросы наследственности и ее изменчивости давно интересовали ученых, поскольку они имеют прямое отношение к проблеме эволюции живой природы. Этим заинтересовались еще в средние века и особенно с развитием биологии, как науки.

Первым, кто дерзнул заглянуть в бурлящий котел эволюции, был, как известно, Чарльз Дарвин, он первый сформулировал закон о ее движущей силе, естественном отборе. В отличие от образований неживой природы, которые дряхлеют от времени и разрушаются, растительный и животный мир в каждом новом поколении

обновляется за счет наиболее жизнеспособных особей и в этом, как раз, и состоит созидательная роль естественного отбора. Иначе говоря, каждое новое поколение получает новый заряд жизнеспособности и этим зарядом служит естественный отбор. Поэтому эволюция живой природы, это процесс непрерывного ее совершенствования. Выдающийся русский ученый основоположник научного лесоводства Г. Ф. Морозов [1], развивая учение Дарвина, писал, что в лесу царит страшная смертность. К возрасту спелости леса сохраняется не более 5% особей от их первоначального состава. Сохраняются самые сильные, самые жизнеспособные, которые не раз были пропущены через строгое сито естественного отбора. Условия внешней среды очень изменчивы, и растениям приходится переживать и холодные зимы, и жаркие лета, избыток влаги и, наоборот, недостаток ее и, конечно же, конкуренцию со стороны своих соседей. Причем Дарвин отмечает, что конкуренция особенно остро протекает в одновидовых посевах и посадках, так как все особи предъявляют к внешней среде одни и те же требования. Лысенко «отменил» естественный отбор внутри вида, заявляя, что его вообще в природе не существует. «Заяц зайца не ест, зайца поедает волк», приводит он в качестве доказательства выдвинутого им положения. Лысенко стал настаивать на пересмотре Дарвинизма как учения. Разумеется, это не могло не вызвать критики. После войны Лысенко уже выступил как основоположник нового учения в биологии [2]. Он не только провозгласил, что наследственность живых организмов пластична, но и утверждал, что новый вид растения можно получить методом направленного воспитания. Поэтому процесс видообразования в природе вовсе не за 7-ю замками, в силу чего в природе наблюдается перерождение одних видов в другие. Более того, он посягнул на святая святых Дарвинизма, на учение о естественном отборе. Лысенко, как уже отмечалось, «отменил» конкуренцию внутри вида, но вместе с тем «отменил» и естественный отбор внутри вида. Первый кто дал основательную критику учения Лысенко, был академик П. М. Жуковский [3], профессор, автор многих статей по ботанике, известный как в нашей стране, так и за рубежом. Он опубликовал статью «Дарвинизм в кривом зеркале», в которой обстоятельно развенчал положения Лысенко, на что тот ответил злобной статьей, появившейся в газете «Правда», публикацию которой, как известно, не принято было критиковать. Это, кстати, излюбленная тактика Лысенко и он к ней прибегал не раз. На Н. М. Жуковского обрушился град статей сторонников Лысенко, неграмотных по содержанию и грубых по форме [4]. В дискуссиях по вопросам Дарвинизма Лысенко обнаружил свою неграмотность в биологии, а всех кто выступал против него, называл защитниками империализма. В журнале «Агробиология», который вел он сам, одна за другой появлялись статьи о перерождении видов: овес в овсюг и ячмень, капуста в брюкву, сосна в ель, что должно было подтверждать выдвинутые Лысенко положения о пластичности наследственной основы организма. В своих статьях Лысенко всегда подчеркивал значение некогда выдвинутого Сталиным тезиса о постепенном накоплении нового в старом и о скачкообразном превращении старого в новое.

Надо сказать, что Лысенко нравился Сталину своей напористостью молодого ученого-большевика, который сразу берет быка за рога и уверенно шагает по жизни.

Это тип настоящего ученого, подумал Сталин после первого знакомства с молодым академиком. Лысенко это наш завтрашний день.

Слава Лысенко росла как снежный ком. Его портреты можно было встретить повсюду. Они не только висели в главных учреждениях, но и в конторах колхозов и совхозов, на праздники их несли вместе с портретами руководителей партии и правительства. А в деревнях девушки пели под гармошку:

*«Ты играй, играй гармошка
Мы с подружкой вдвоем
Академику Лысенко
славу вечную споем».*

Апологеты Лысенко в лице И. И. Презента, М. Л. Ольшанского, И. Е. Глушенко, П. А. Власюка, Д. А. Долгушина, В. И. Столетова, Д. К. Гребня, Ф. А. Дворянкина, А. И. Апарина, Н. И. Нуждина, В. Г. Нестерова, Н. И. Фейгенсона создали группу, которая считала своим первым долгом во что бы то ни стало сохранить лысенкоизм, защитить Лысенко как выдающегося ученого, и как борца за чистоту советской науки. В журналах и газетах, в том числе и в «Правде», появлялись статьи о давным-давно забытой практикой ветвистой пшенице, которой занимался сам Лысенко. Он обещал в скором времени получить невиданные урожаи этой культуры. Вот с каким пафосом писал о ней приближенный Лысенко академик Долгушин: «представьте себе сорт пшеницы, который будет выдавать колос весом не в 1 г, а в 4 г, а то и в 5 раз больше». Пополнился список видов, которые, перерождаясь, дают начало новым видам, а Лысенко в одном из выступлений добавил, что факты перерождения присущи не только высшим растениям, но и микроорганизмам. Вскоре появились статьи, которые подтвердили ясновидца Лысенко о случаях перерождения микробов. Разумеется, все это должно было подтвердить удивительную плодовитость нового учения, которое раскрывает невиданные границы в изучении эволюции. Лысенко сделался главным глашатаем научной истины в стране. Без ссылки на его имя ни один журнал не принимал к печати статьи, а Высшая Аттестационная Комиссия (ВАК), в которой лысенкоисты заняли главные посты, не пропускала ни одной диссертации, в которой на видном месте не отвешивались бы поклоны Лысенко. Именно в это время Лысенко делает попытку внести в программу КПСС свое «учение» о наследственности и изменчивости живых организмов, дабы навсегда застраховать себя от критики.

Лысенко регулярно информировал Академию, а иногда и Сталина, об успешном внедрении выведенных им сортов пшеницы и по другим, предложенным им рекомендациям. Но в это же время из колхозов и совхозов одно за другим шли письма в Академию Наук, в которых сообщалось, что на внедрение тратятся огромные средства, но рекомендации себя не оправдывают. Во многих письмах даже указывали, что колхозники отказываются заниматься внедрением, так как это дурная трата времени, денег и сил (сам Лысенко отводил для внедрения большие площади, занимающие 100, а то 1000 гектаров, что позволяло ему показывать огромную прибыль от внедрения). В академии сперва решили не обнародовать

писем, но их поступало все больше и больше и дело дошло до Центрального Комитета Партии. Весной 1948 года с открытой критикой Лысенко выступил секретарь ЦК А. А. Жданов, который настаивал на немедленном переизбрании Президента академии. В общем складывалась очень неблагоприятная обстановка для Лысенко и его подвижников. Не нравилась она и Сталину, который был недоволен вмешательством Жданова и чувствовал себя в какой-то западне. Он уже знал о письмах из колхозов и совхозов, но никому о них не говорил. А что если Лысенко преувеличивает свои успехи и журналисты, ссылаясь на выступления Жданова, развенчают его? В каком положении окажется он, Сталин? Ведь в академии и ЦК знают, откуда взялся этот Лысенко... А тут еще Сталин вспомнил о своем недавнем вмешательстве в жизнь Академии. А было так: выборы нового состава академиков были назначены на весну 1948 г. Уже был составлен список тех, кто будет баллотироваться в новый состав, но список этот очень не устраивал Лысенко. И он, после недолгого раздумья, пошел на свою очередную аферу: составил список сам и подsunул его Сталину, который тут же достал красный карандаш и написал «Утвердить». И всех представленных Лысенко «своих» людей, утвердили академиками, минуя обязательные в таких случаях обсуждение и голосование.

Список с горькой иронией назвали в Академии «Списком Сталина», о чем стало известно самому Сталину, который понимал, что заваренная им каша оказывается круче, чем он ожидал, а он является участником какой-то мелкой подкованной игры. Он вспоминал об этом как о неприятном деле, но, в конце концов, сказал как-то в сердцах про себя: «Чем хуже, тем лучше, бой так бой!» и тут же пригласил Лысенко к себе.

До этого Лысенко уже не раз был у Сталина, но на этот раз его волновала мысль, что речь пойдет о письмах из колхозов и совхозов. По дороге он утешал себя тем, что сошлется на завистливые происки своих противников. Сталин сухо поздоровался с ним, кивнув на стул, и не отрывая глаз от лежащей перед ним книги, как бы про себя заговорил о том, что под носом у Президента свили себе гнездо буржуазные отщепенцы, а он делает вид, что ничего не происходит. Лысенко воспрянул духом понимая, что речь пойдет о другом, и застрочил заготовку: Я сам сторонник материалистического направления развития биологии, но Сталин прервал его. Вы мне скажите, материалист, когда вы наведете порядок в академии? Лысенко ответил, что на конец года намечено заседание сессии и там разберемся кто, есть кто? А почему на конец года? Зачем тянуть время? Август вас устроит? Лысенко ответил, что устроит. Ну, вот и хорошо – сказал Сталин, слегка улыбаясь. Лысенко окончательно воспрянул духом и с уверенностью заявил, что он с корнем вырвет в Академии вейсманизм-морганизм, но Сталин снова остановил его: Это хорошо, что вы по-бойцовски настроены, желаю вам успехов. И уже на прощание добавил: Только смелее, не бойтесь! Если что, мы вас поддержим... Окрыленный обещанной поддержкой Сталина Лысенко вмиг выскочил из его кабинета. Этот визит поставил последнюю точку, за которой наступала открытая, неравная борьба сторонников классического учения в биологии с лысенкоизмом.

Сессия Всесоюзной сельскохозяйственной Академии наук прошла, как и намечалось, в августе 1948 года [5] и прошла по сложившемуся в советское время стереотипу, когда собирали огромную массу людей, и эта масса людей предназначалась для того, что бы стопроцентно проголосовать за подготовленное и обсужденное заранее в верхах постановление. Казалось бы, что можно было не отвлекать людей от дела, но мудрая сталинская стратегия свято придерживалась демократического принципа, что важные государственные вопросы должны решаться при широком и активном участии трудящихся масс. Так, например, проходили сессии Верховного Совета, и не только!

Сессию ждали, как лысенкоисты, так и сторонники классической биологии. Первые видели, что чаша весов склоняется в их сторону, и заранее весело потирали руки, предвкушая возмездие. Противники же Лысенко делились на две группы. Группа старейшин ничего хорошего не ждала, памятуя о том, что и в прошлом имели место непрошенные визиты властей в науку, и дело кончалось либо ничем, либо тем, чем оно кончается при визите слона в посудную лавку. Люди среднего возраста, особенно молодежь, не на шутку готовились к борьбе, тщательно взвешивая все за и против. На их стороне был очевидный и позорный провал с внедрением в практику новинок Лысенко. Об этом красноречиво свидетельствовала целая кипа писем-протестов из колхозов и совхозов, об этом же говорил в своем выступлении А. А. Жданов, настаивая на смещении Лысенко с должности Президента Академии. Наконец само учение Лысенко не выдерживает никакой сколько-нибудь серьезной критики.

Но если сессии Верховного Совета начинались и заканчивались без сучка и задоринки, то сессия ВАСХНИЛ начиналась празднично с флагами и лозунгами, среди которых аршинными буквами светился призыв Мичурина: «Не надо ждать милости от природы»..., но закончилась она неожиданно даже для самих лысенкоистов. Конец был предопределен неистощимым на аферы Трофимом Лысенко. Свой доклад он доложил с подъемом, воодушевлением, много при этом «досталось» пресловутым буржуазным биологам.

Заключительное слово прозвучало ошеломляюще. Лысенко искренне благодарил Партию и Правительство за постоянную помощь и особенно благодарил товарища Сталина за то, что он прочитал накануне сессии его доклад и даже сделал несколько ценных замечаний. При этих словах в зале зашептались, задвигались, пронесся какой-то приглушенный гул, означавший то ли скрытый протест, то ли глубокое разочарование. Председательствующий властно позвонил в колокольчик и зал стал утихать. Но Лысенко, как бы продолжая прерванную речь, заявил, что товарищ Сталин поручил нашему коллективу очистить свой состав от буржуазного налета вейсманизма-морганизма и мы уже наметили определенные меры на этот счет. В зале снова возник шум и умолк он лишь тогда, когда было объявлено время прений.

Как ни странно, никто не хотел выступать. Установилась неловкая пауза. Лысенкоисты ждали, что теперь «старейшие» надолго займут кафедру, но никто не просил слова. Наконец, не выдержали «новые академики» и стали наперебой

хвалить Сталина за своевременное вмешательство, а Лысенко за его неутомимость в борьбе за чистоту науки.

Так закончилась историческая, как говорили лысенкоисты, сессия ВАСХНИЛ, явившаяся, в сущности, сигналом к разгрому одного из важнейших и интереснейших ветвей науки – науки о живой природе, включая сюда и *Homo sapiens*.

Самое время, пожалуй, сказать о том, что же дала науке и практике школа Лысенко? Для этого воспользуемся официальными данными, опубликованными в скромном журнале «Итоги науки» за 1967 год (автор не ручается за год, т. к. во время обработки статьи год по забывчивости отмечен не был, по памяти 1966 или 1967). Журнал опубликовал Протокол Комиссии, которой было поручено подвести итоги деятельности школы Лысенко. Поручение, конечно, не из легких. Надо было перелопатить «Гималаевы горы» бумаг, исписанных как лысенкоистами, так и о них, охватить географию пунктов внедрения, а они были практически во всех климатически благоприятных регионах, включая Сибирь и Среднюю Азию. Надо было определить расходы на внедрение, и, в конечном счете, дать оценку результатам внедрения. Записи в протоколе были по-протокольному лаконичны и достаточно убедительны. В них отмечалось, что вместо обещанных миллиардных прибылей, школа Лысенко принесла только миллиардные убытки. Колхозы и совхозы также понесли огромные убытки, поскольку Лысенко отводил большие площади для внедрения своих рекомендаций. Ни разведение дуба площадками, ни посеы пшеницы по стерне, ни летние посадки картофеля, ни все то, что рекомендовал Лысенко, практикой принято не было. В ряде случаев не удавалось даже вернуть использованный материал при посевах и посадках.

Что касается убытков, понесенных наукой, то Комиссия отмечала, что эти убытки подсчитать невозможно, но они также миллиардные. Кроме того, Комиссия отмечала, что ей встречались случаи откровенной приписки, очковтирательства, а так же методическая неграмотность при изучении тех или иных вопросов.

В самом начале мы указали на скромность публикаций, имея в виду то обстоятельство, что журнал «Итоги науки» читают немногие, а ведь речь идет не только о жульничестве Лысенко, но и о том, что лысенкоисты практически обезглавили нашу биологическую науку, отбросив ее назад, а главное, сотни и тысячи людей, в том числе и те, которые стояли на верхней ступени науки, ушли бесследно, и никто за это не ответил.

Как и следовало ожидать, после сессии лысенкоисты устроили такую расправу с противниками, что им могли бы позавидовать средневековые инквизиторы. Тысячи специалистов – биологов, химиков, физиков вдруг оказались не у дел, более того, принимались всевозможные меры помешать устройству на работу в другом месте. В ход шли клеветнические доносы, анонимные издевательские письма и др. Характерно, что Высшая Аттестационная Комиссия, насыщенная, как уже говорилось, «своими людьми» Лысенко, ревностно следила за тем, чтобы и в художественную литературу не проникла мода критиковать лысенкоизм, боясь потерять теплые места и ничем не ограниченную власть над бесправными соискателями ученых степеней. Она направо и налево отклоняла диссертации, не

указывая при этом причин. Любопытно, что это происходило вплоть до 80-х годов, т. е. тогда, когда всем было уже видно, что «Король-то голый!». Отклоняли, не указывая причин, даже после повторенной и даже неоднократной успешной защите в научных учреждениях, назначенных самой же Комиссией.

Вот какими красками рисует обстановку после сессии талантливый ученый и писатель Ж. А. Медведев, который близко стоял к событиям разгрома российской биологии и который, насколько нам известно, раньше других пострадал за критику Лысенко: «Армия безработных ученых росла с каждым днем, уволенных не принимали на работу даже на должность лаборанта, боясь доноса. Министр высшего образования С. Ф. Кафтанов слал приказ за приказом об увольнении даже в периферийных институтах. В Московском университете были уволены академик И. И. Шмальгаузен, профессора М. М. Завидовский, Д. А. Собинин, декан факультета С. Д. Югенцев, доценты С. Онигасян, М. И. Шапиро и др. В ленинградском – профессор Ю. И. Полянский, декан биофака Н. Е. Лобашев и целый ряд доцентов. Массовые сокращения были проведены в Харьковском, Омском, Воронежском, Киевском, Саратовском, Тбилисском университетах. В Тимирязевской Академии были уволены профессора Б. А. Голубев, А. Р. Жебрак, Б. Н. Хохлов, Е. Я. Борисенко, академик П. Константинов и одновременно увольнялись профессора многих сельхозинститутов. И это было только начало».

По всей стране разъезжались агенты для проверки и проведения республиканских, городских, вузовских собраний биологов, по всей стране неся громкий клич – громить вейсманистов-морганистов, искоренить генетику, «Слава академику Лысенко, спасшему нашу науку от американских прихлебателей и ведущему нас к невиданным, сказочным победам сельского хозяйства».

Однако новые биологи не забывали о главном: «под шум неудержимого пустозвонства, распоясавшиеся творцы новой биологии распределяли между собой ответственные посты в министерствах, академиях, институтах, ВУЗах, в редакциях и издательствах научных журналов, в ответственных отделах партийных и правительственных организаций. Последователи Лысенко и его ближайшие сотрудники, подвизавшиеся до этого на второстепенных ролях в науке, быстро набросились в эти годы на жирный пирог науки. Они жадно хватили чины, должности, ученые степени, премии, оклады, медали, ордена, титулы, гонорары, квартиры, дачи, персональные машины». Но Кафтанов охотился не только за академиками, профессорами и доцентами, он не допускал инакомыслия и в студенческой среде. Автор статьи хорошо помнит то смятение, которым был охвачен весь коллектив Воронежского лесохозяйственного института после получения письма грозного Кафтanova. В нем Министр высшего образования обязывал директора рассмотреть на заседаниях кафедр содержание лесобиологических дисциплин, добиться преподавания их на основе материалистического лысенковского учения. А поводом к тому, что Кафтанов снизошел до директора периферийного института Л. А. Паленко, было мое невинное выступление на студенческой конференции. Я был тогда на третьем курсе и написал реферат на тему «Лес и грунтовые воды». В основу реферата была положена обстоятельная работа П. В. Отоцкого, с ее довольно большим

географическим охватом. После доклада мне был задан вопрос: По-вашему выходит, что лес снижает уровень грунтовых вод, так? Так – ответил я. – А вот Трофим Денисович Лысенко утверждает, что уровень грунтовых вод повышается под воздействием леса. Вопрос был задан ассистентом одной кафедры. Я ответил, что мне неизвестна работа Лысенко на этот счет. Ассистент крикнул с места, что Лысенко сообщил об этом в одном из своих выступлений. В зале заулыбались, что, видно, не понравилось ассистенту. В результате мне пришлось много раз доказывать свою «невиновность», так как речь шла о возможности моего дальнейшего пребывания в институте. Фактически Лысенко не имел публикаций на этот счет, а работа Отоцкого по настоящее время считается классической.

О жестокости лысенкоистов свидетельствуют многие факты. Ученые с мировыми именами просились оставить их в учреждениях на любой должности, но за этим строго следил Кафтанов, который в это время дал большой ход разным доносам. Приведем только один случай. Выдающийся агрохимик Д. А. Соби́нин был отстранен от заведывания кафедрой, а его учебник по физиологии растений, уже набранный в типографии, тут же был рассыпан. Сам Соби́нин оказался не у дел, но его не брали на работу, и он был вынужден оставить Москву и заняться изучением водной растительности. Но и на новом месте Соби́нину отказали в публикациях и, не выдержав преследований, в 1951 году он застрелился.

В заключении надо коснуться такого вопроса: Как же мог Великий вождь и учитель связать свое имя с кучкой авантюристов и даже открыть им зеленую улицу? Мы не случайно начали с имени Сталина. Если поставить вопрос прямо: мог ли Лысенко достичь такого положения в науке без участия и поддержки Сталина, когда его при жизни стали называть Великим? Разумеется, нет. Но с тех пор прошло более полувека и многое в жизни переменялось, а главное, установившийся в нашей стране здоровый принцип оценки как текущих, так и событий прошлых лет, позволяет нам глубже всмотреться, во всем ли виноват Сталин? Да, Сталин был жесток до кровожадности, и за ним тянется такой длинный шлейф криминала, что в обозримом будущем едва ли встанет вопрос о его полной реабилитации. Но в то же время Сталин был незаурядным человеком. Хотя образование у него было более чем скромное, природа одарила его такими чертами, которые бывают присущи видным деятелям. Он умел молчать, а если говорил, то всегда дельно, умея при этом из вороха мнений выделить рациональное зерно. Эти качества хорошо подметил Черчилль во время их встречи в войну, на Ялтинской конференции. Считаются неоспоримыми заслуги Сталина во время Великой Отечественной войны. В эти годы Сталин постоянно держал руку на пульсе всей страны. Если проанализировать жизненный путь Сталина-правителя, то в нем можно выделить несколько периодов, которые сменяли друг друга примерно через пять-шесть лет, и которым Сталин, не без основания, придавал большое значение, как своеобразной профилактической мере тоталитарному режиму.

В каждом из этих периодов Кремль превращался в своеобразный эпицентр антициклона, откуда во все стороны распространялись неумные волны страха. Первая волна, которая с головой накрыла сельское население, был период коллективизации. В это время была уничтожена или сослана в Сибирь наиболее

деятельная часть сельских тружеников. Фактически в этот период был надломлен дух русского деятельного мужика. Урон от этого определить нетрудно. Достаточно сказать, что наши колхозы и совхозы в довоенное время, а местами и позже, десятками лет харкали кровью. Кто отказывался вступать в колхоз (хотя официально считалось, что это дело добровольное), тут же объявлялся кулаком и тут же с семьей высылался в Сибирь. Были, конечно, и зажиточные люди, которые имели значительные наделы земли, но таких на село было 2–3 семейства. А назначенные в ссылку обычно никого не эксплуатировали и нередко сами жили впроголодь. Это была ломка через колено и в результате, как известно, тут и там вспыхивали восстания. Сталин, правда, выступил со статьей «Головокружение от успехов» в которой осуждал насилие, но это была хорошая мина при плохой игре. Дело было уже сделано. Такие приемы были для Сталина характерны.

Второй период в истории нашей страны оставил самый кровавый след. Это были всем известные 30-е годы. Об этом периоде в народе говорили: Сталин рубит головы тем, кто высовывается вперед. Надо сказать, что Сталин с недоверием относился к маршалам, адмиралам и генералам. Из 8-ми маршалов своей смертью умерли только два, а остальные были пущены под жернова «Черного ворона». Так называлась тогда машина, которая ездила по ночам и арестовывала «врагов народа». В городах и селах она наводила неопикуемый ужас на население.

Вообще в это время погибло много людей образованных и талантливых. В то время, когда Рокоссовский и другие генералы выполняли нормы заготовки древесины на лесоповале, наша страна в первые месяцы войны потеряла 3,4 миллиона солдат и офицеров. Ворошиловский воинский Устав напрочь отвергал отступление, как способ ведения войны, так как он противоречил главному лозунгу Маршала – «Бить врага на его территории». А вышло все в точности до наоборот: били нас и на нашей территории!!! А то, чему учили в армии десятилетиями, буквально вылетело в трубу!

Подробная характеристика Сталина оправдывается тем, что сталинизм это целая эпоха в жизни нашей страны, эпоха, которая долго продолжалась и после смерти Сталина. Это был самый сложный и самый трудный период, без знания которого нельзя представить и понять, в каких тяжелых условиях развивалась наша наука, и в частности, какие завалы оставили на пути ее развития сталинизм и прямой его выкормыш – лысенкоизм. Парадокс заключается в том, что, с одной стороны, сталинизм преобразовал Россию, поставил ее в один ряд с крупными цивилизованными странами, а с другой накопившиеся его «огрехи» привели к обвальной социальной переориентации, и дай Бог, чтобы она поставила нас на путь праведный.

Зарубежные биологи, в частности генетики, в последнее время сделали ряд замечательных открытий, причем в той самой науке, которую лысенкоисты признали не только никому не нужной, но и вредной, «буржуазной». А сколько было закрыто тем, лабораторий, даже целых институтов с появлением лысенкоизма. А ведь наука – создание очень хрупкое. Ее легко сломать, но трудно восстановить. Все то, то лежало на поверхности, давно изучено и сейчас ученые добывают истину в глубоких тайниках природы, и отстать от мирового поиска значит отстать

надолго. Так случилось и с российской биологией после печально знаменитой августовской сессии ВАСХНИЛ. Именно поэтому давно не слышно голосов наших биологов, и имена их, к сожалению, не красуются на престижной доске Нобелевских лауреатов.

О других волнах страха, исходящих от Кремля, таких как «Ленинградское дело», «Дело врачей» мы говорить не будем, поскольку проводились они по уже известным нам сценариям.

Коснемся важного вопроса о том, почему именно Россия явилась родиной лысенкоизма? Чтобы ответить на него, надо вкратце коснуться истории. Каждая нация, большая и малая, характеризуется своим генетическим потенциалом или, лучше сказать, генетическим багажом. В старое время, когда Россия была представлена в основном сельским населением, парень из «худого двора» не мог претендовать на руку и сердце девицы из «двора хорошего», причем престиж двора определялся не только его достатком, но и умом, совестью и порядочностью его людей. Это передавалось из поколения в поколение; честью двора всегда дорожили и помнили даже его родословную. Дворы разрастались за счет дочерних дворов и так формировались роды. Последние смешиваясь между собой, создавали сословия. Так, в общих чертах, можно себе представить возникновение дворянского сословия. (Заметим, что в самом названии коренным словом служит слово двор). Но для нас в данном случае представляет интерес не генеалогическое древо дворянства, а то, что эта привилегированная часть населения, несмотря на небольшой удельный вес по своей численности, дала России многих виднейших деятелей науки, литературы, искусства. Не следует, однако, думать, что даровитость дворянства связана только с отселекцированными в поколениях врожденными качествами людей. Здесь большую роль играл и играет доступ к образованию. Немало замечательных имен дало мещанское сословие. Более того, нам известно, что малограмотная крестьянская среда таит в себе ростки и гениальных Ломоносовых, и великих военных стратегов Жуковых.

Но генетический багаж подвержен вырождению, выхолащиванию. Причиной выхолащивания бывают войны, репрессии, голодоморы и другие социальные потрясения. Россия, как никакая другая страна, в прошлом столетии перенесла целый ряд сильных потрясений, которые были сконцентрированы в небольшом отрезке времени. Первая Мировая война, братоубийственный Октябрьский переворот, породивший бессмысленную Гражданскую войну, непродуманная коллективизация сельского населения, наконец, война Отечественная, которая в основном легла на плечи России, не могли не обескровить генетический багаж нации, а сталинские довоенные репрессии были целиком направлены на уничтожение элитной ее части. К сожалению, нет точных данных о том, сколько людей погибло по вине Сталина. М. Веллер и В. Буровский [6], в недавно изданной ими обстоятельной книге о Гражданской войне, с оговоркой, называют эту цифру – 30 миллионов человек. (Страшно подумать – это же население целой страны! И какое население!).

Разумеется, что после каждого потрясения население нашей страны все больше разбавлялось теми людьми, которых Лев Толстой в романе «Война и мир» отнес к

категории «плохих людей», а М. Булгаков донный осадок этой категории изобразил в виде Шариковых и Швондеров. Толстой указывал, что в спокойное время эти люди мало что значат в обществе, они не занимают высоких должностей и, кажется, всем довольны. Но это только кажется, предупреждает писатель. Стоит только нагрянуть буре, так они оказываются на самом гребне волны, а при появлении фюрера тут же организуются и создают власть, причем власть жестокую и бескомпромиссную. К власти они идут, пренебрегая всякими моральными принципами.

Мы не касаемся в этой статье способов и приемов, которые использовались лысенкоистами и самим Лысенко в борьбе за власть. Но если бы нашелся человек, который изобразил бы их в полный рост, мы могли бы изрядно обогатить толстовскую категорию плохих людей такими типами, которые также легко западали бы в памяти, как Ноздрев, Плюшкин, Манилов. Гоголь, правда, выдернул своих героев из безобидной среды «полусмешных-полупечальных», а нашему автору пришлось бы столкнуться с рафинированной подлостью, изощренным жульничеством, предательством и всем тем, что испокон веков противно добрым началам природы человека.

Гитлер из таких молодчиков формировал дивизии СС, которые на оккупированной территории бросали в костер грудных детей на глазах их матерей, или поджигали, при отступлении, соломенные крыши убогих лачуг больных стариков. А наши молодчики этого типа с не меньшей жестокостью раскулачивали, а точнее грабили своих соседей и, обобрав до нитки, налегке отправляли их в Сибирь, в ссылку, причем все это происходило под неумолкаемые вопли, крики, плач женщин и детей. В памяти автора о «счастлимом сталинском детстве», проведенном на Луганщине, сохранилось множество картин подобного рода. А раскулачивали большей частью таких людей, которые в часто повторяющиеся неблагоприятные годы сами голодали. Итак, генетический багаж населения нашей страны после Второй мировой войны был истощен до предела, поэтому нет ничего удивительного в том, что родиной ублюдочного лысенкоизма явилась Россия. Цитированные выше авторы книги о Гражданской войне также указывают на снижение качества нации под влиянием войн.

Вместо эпилога автору остается сказать, что данная статья охватывает только послевоенный период, правда, самый драматический. Но лысенкоизм пустил свои ядовитые корни еще до войны, когда Лысенко вербовал себе единомышленников, и когда произошла печальная эпопея изгнания из науки Н. Вавилова и других видных ученых, о чем ничего не известно новому поколению биологов. Автор считает, что огромный информационный пробел возник благодаря «деяниям» большого выводка лысенкоистов, которые, как уже отмечалось, успели занять ведущие должности в ведущих издательствах и журналах и до сих пор зорко следят за сохранением «рамки дозволенного», боясь, что при выметании «сора из избы» выметут, прежде всего, их самих. Поэтому очень многие события, которые заслуживали быть преданными огласке, не появлялись на страницах печати. Даже сквозь зубы был объявлен Протокол Комиссии, которая занималась оценкой школы Лысенко. Вероятно, не поздно и сейчас предать моральному осуждению тех, кто был на

службе лысенкоистов и, ради оздоровления науки, освободиться от тех лиц, которые ревностно охраняли «чистоту» лысенкоизма. А среди них есть и академики, и профессора, и доценты, не говоря уже о многих высокопоставленных чиновниках, прикрывающихся учеными степенями и званиями, добытыми сомнительными путями.

Список литературы

1. Морозов Г. Ф. Учение о лесе. 6-е изд. / Г. Ф. Морозов. – М. – Л.: Сельхозгиз, 1931. – 428 с.
2. Лысенко Т. Д. Агробиология / Т. Д. Лысенко. – Гос. изд-во с/х литературы, 1948. – 684 с.
3. Жуковский П. М. Дарвинизм в кривом зеркале / П.М. Жуковский // Селекция и семеноводство. – 1946. – № 1–2.
4. Дворянkin Ф. А. Дарвинизм в менделеевском зеркале / Ф. А. Дворянkin // Селекция и семеноводство. – 1946. – № 1–2.
5. О положении в биологической науке. Стенографический отчет Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени В. И. Ленина. 31 июля – 7 августа 1948 г. – М.: ОГИС–СЕЛЬХОЗГИС, 1948. – 536 с.
6. Веллер М. Гражданская история безумной войны / М. Веллер, А. Буровский. – М.: АСТ МОСКВА, 2007. – 639 с.

Мішньов В. Г. О темних сторінках історії Російської біології (1930–1980 рр.) // Екосистеми, їх оптимізація та охорона. Сімферополь: ТНУ, 2011. Вип. 4. С. 188–199.

Розглядається стан радянської біологічної науки в період розквіту «лысенковщини» в 30–70-е роки ХХ століття. Обговорюються причини виникнення цього лженаукового напрямку та наслідки її панування для біологічної науки і судеб вчених-біологів.

Ключові слова: історія біології, «лысенковщина».

Mishnev V. G. About dark pages in history of Russian biology (1930–1980) // Optimization and Protection of Ecosystems. Simferopol: TNU, 2011. Iss. 4. P. 188–199.

In the article the state of soviet biological science in the period of «Lysenkivschina» in 30–70 years of XX century was considered. The reasons of arising of such direction and consequence of its domination for biological science and destiny of scientist biologist are discussed.

Key words: history of biology, «Lysenkivschina».

Поступила в редакцію 16.11.2010 г.